

Имя агента на экране телефона бешено пульсировало, а резкий рингтон, подобно отравленной ледяной игле, раз за разом вонзался в и без того расшатанные нервы Цзы Юя.

Он сжался в углу старого, узкого дивана в своей съемной квартире, словно лишенный игл детеныш зверя, брошенный на произвол бури. Парень вцепился в колени так сильно, что ногти глубоко впились в кожу рук, оставляя яркие красные полосы.

Зубы до крови впились в нижнюю губу, во рту разлился густой привкус железа, но это не могло заглушить ледяной страх и отчаяние, поселившиеся в самой глубине души. За окном редкие огни соседнего жилого дома, словно любопытные глаза, сквозь тонкие занавески холодно наблюдали за его крахом.

Все кончено. Все до единого.

Те злонамеренно искаженные и увеличенные фотографии, те ядовитые комментарии, прилипшие к нему, словно личинки к кости — кровопийца, интриганка, пробился через постель, соблазнитель, жалкий неудачник... Каждое слово было подобно кнуту с шипами, безжалостно хлеставшему по обнаженному сердцу, оставляя после себя жгучую, унижительную боль.

Что о нем подумает Сюй Нин? То тепло и защита, что в ту дождливую ночь показались лишь мимолетным видением, — не превратились ли они в глазах того человека в досаду на собственную доверчивость?

Стала ли та низкая, уверенная фраза — не бойся — лишь пустым, бессильным звуком перед лицом этой чудовищной, грязной злобы?

Тяжелое чувство несправедливости и боль от того, что его превратно поняли, давили на грудь свинцовой тяжестью, не давая вздохнуть.

— Вжух... вжух...

Телефон продолжал вибрировать, с неумолимой жестокостью дергаясь в потных, ледяных ладонях Цзы Юя. От этой дрожи немели запястья, казалось, еще секунда — и аппарат выскользнет из рук.

Он смотрел на имя на экране, зрение затуманилось от слез. Огромный страх, подобно холодной вязкой смоле, сковал его изнутри и снаружи, став настолько тяжелым, что не было сил даже пошевелить пальцем.

Ответить? Или не отвечать? А если ответить, то что сказать? Яростный рев агента, давление компании, ледяные формулировки пиарщиков, обвинения, против которых невозможно оправдаться... От одних этих мыслей перехватывало дыхание, а желудок скручивало от

спазмов.

В тот самый момент, когда ему показалось, что он вот-вот будет раздавлен этим безмолвным давлением и окончательно утонет в бездне отчаяния, губительная вибрация и звонок внезапно оборвались.

Мир погрузился во внезапную, пугающую тишину.

Цзы Юй растерянно поднял заплывшие слезами глаза. Надпись Агент исчезла. Вместо нее появилось имя, которое он никак не ожидал увидеть в этот миг — Сюй Нин.

Сердце, словно сжатое невидимой рукой, дернулось, а затем забилось в бешеном, почти конвульсивном ритме, готовое вырваться из груди. Кровь ударила в голову, вызвав головокружение, а в следующую секунду отхлынула, заставив кончики пальцев онеметь от холода.

Он не сводил глаз с этого имени. Зрачки расширились от шока, дыхание остановилось, мозг опустел, и лишь это имя горело перед глазами.

Сюй Нин... Он позвонил? Сейчас? Он видел? Он... пришел с допросом? Пришел расставить все точки? Или...?

Телефон снова завибрировал. Имя Сюй Нин, исполненное тяжелой, непреклонной силы, способной пронзить саму душу, отчетливо врезалось в затуманенный взгляд Цзы Юя.

Пальцы парня дрожали, как сухие листья на ветру, ладони намокли от холодного пота. Он несколько раз тщетно пытался смахнуть кнопку ответа, но из-за сильной дрожи ничего не выходило. Страх и почти унижительное ожидание разрывали его на части.

Наконец, собрав остатки сил, он почти впился ногтями в защитную пленку экрана и с огромным трудом нажал на зеленую иконку, за которой скрывалась неизвестность.

Он приложил телефон к уху, но в ответ не донеслось ни звука. Лишь тяжелая тишина с едва уловимым фоновым шумом.

Эта мертвая тишина пугала его больше любого крика, словно ожидание последнего приговора. Он до крови закусил губу, во рту стало еще больше крови, горло перехватило спазмом, и он не мог издать ни звука.

Он слышал только стук собственного сердца, похожий на барабанную дробь, и тяжелое, прерывистое дыхание, которое в пустой комнате казалось оглушительным.

— ... — после недолгой, удушливой паузы из трубки наконец донесся голос.

Это не был холодный допрос или светская отчужденность.

Голос прозвучал низко, с пронзительной, холодной твердостью, которую не могли сгладить даже помехи связи. Словно раскаленное железо окунули в ледяную воду. Каждое слово было наполнено неоспоримой властью, ударяя по натянутым до предела нервам Цзы Юя.

— Цзы Юй. — Сюй Нин назвал его по имени, без всяких прелюдий. В тоне не было утешения, лишь отрывистый, властный приказ, полный абсолютного контроля. — Слушай внимательно. Сейчас же, немедленно, задерни все шторы в комнате. Не включай ни одной лампы. Поставь телефон на беззвучный режим. Кроме меня, не отвечай ни на чьи звонки и не читай сообщения.

Цзы Юй был ошеломлен этим внезапным, не терпящим возражений приказом.

Он машинально посмотрел на окно, выходящее в коридор жилого дома. Дешевые шторы не могли полностью скрыть свет от любопытных глаз.

Огромное чувство стыда и незащищенности вновь охватило его. Он почти на четвереньках сполз с дивана, босиком ступил на холодный пол и, пошатываясь, бросился к окну.

Пальцы от страха и напряжения свело судорогой, он вцепился в грубый край шторы и рванул изо всех сил! Раздался резкий скрип ткани по карнизу, ткань даже немного порвалась от чрезмерного усилия.

Слепящий свет и возможные взгляды снаружи были отрезаны, гостиная мгновенно погрузилась в удушливую темноту.

Он прислонился спиной к холодной стене и осел на пол, часто дыша. Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Темнота стала хрупкой защитной оболочкой, но в то же время — огромной, пугающей клеткой. Холод пола пробирал сквозь тонкую домашнюю одежду.

— За... задернул... — прошептал он в трубку. Голос звучал хрипло, разбито, с невыносимыми рыданиями и сильной дрожью. Каждое слово словно выдавливалось из разорванного горла.

— Хорошо. — Голос Сюй Нина оставался холодным, но в его глубине, под этой твердостью, чувствовалось едва уловимое напряжение, будто он и сам нес на себе невидимый груз. — А теперь глубоко вдохни. Три раза. Медленнее. В моем ритме. — Он даже замедлил речь, четко показывая, как нужно дышать.

Цзы Юй, словно ухватившись за единственную спасительную соломинку, послушно и отчаянно начал повторять.

Он открыл рот, жадно вдыхая холодный воздух, а затем с дрожью, с долгим всхлипом выдыхал. Ледяной воздух, смешанный с привкусом крови, проникал в легкие, вызывая покалывание, но это странным образом помогло его бешено бьющемуся сердцу и натянутым нервам немного успокоиться, хотя тело продолжало мелко дрожать.

— Брат Суй Нин... я... прости меня... — Огромная обида, гнев на несправедливые обвинения и бездонное чувство вины прорвали плотину, которую он из последних сил удерживал. Разбитые рыдания вырвались из горла, в темноте раздался подавленный плач, полный беспомощности и отчаяния. — Те фотографии... все было не так... я не... я не подстраивал это... я просто... я просто хотел поблагодарить тебя... я не знал, что так выйдет... прости... я подставил тебя... — Он говорил бессвязно, захлебываясь слезами, словно только самые унижительные извинения могли смыть грязь, которой его облили, и спасти хоть что-то из того, что он мог потерять.

— Я знаю. — Суй Нин перебил его. Его голос прозвучал как отсекающий сомнения удар топора, разрубая слои мрака и хаоса в душе Цзы Юя. — Те фотографии — это злонамеренный монтаж и искаженные ракурсы. Я знаю все, что произошло в ту ночь. — Его тон был абсолютно уверенным, не допускающим возражений.

Эти слова — я знаю — прозвучали как якорь, удерживающий Цзы Юя от падения в пропасть. Он судорожно вздохнул, и все оправдания, самобичевание и рыдания застряли в горле.

В темноте он широко раскрыл заплаканные глаза, не веря услышанному, и уставился на динамик телефона, словно пытаясь разглядеть человека на другом конце провода.

Слезы вновь беззвучно покатались по щекам, горячими каплями падая на холодный пол. Суй Нин... знает? Он верит ему? Его не обманули эти потоки злобы? Он не усомнился в нем, этом ходячем источнике проблем?

Огромная волна неверия, смешанная с восторгом, острой болью и теплом от того, что его наконец поняли, подобно извержению вулкана, разрушила плотину холодного отчаяния!

Он крепко зажал рот рукой, чтобы не закричать от облегчения и накопившейся обиды, но плечи неконтролируемо вздрагивали, а подавленные всхлипы в темной комнате звучали особенно отчетливо и хрупко.

— Послушай меня, Цзы Юй. — Голос Суй Нина, доносившийся сквозь помехи, все еще был властным, но в этой холодной оболочке появилась тонкая, но прочная трещина, сквозь которую просачивалось тяжелое, предназначенное только ему тепло. — Это дело я беру на себя. Тебе не нужно извиняться, ты ни в чем не виноват. Понимаешь? Ты ни в чем не виноват. — Он повторил последнюю фразу, добавив в голос силы, не терпящей возражений.

— Но... в интернете... они говорят... — голос Цзы Юя все еще дрожал, ядовитые слова преследовали его, внушая страх.

— Неважно, что говорят они. — Голос Сюй Нина внезапно стал ледяным, острым, словно он мог заморозить и раздавить тех, кто прятался за экранами, даже через телефон. — Это просто кучка паразитов, живущих чужими страданиями. Твои чувства, твое состояние важнее этих помоев в тысячу раз. Выбрось этот шум из головы!

— ... — Цзы Юй не мог говорить, он лишь отчаянно, судорожно кивал в темноте, а слезы продолжали течь.

Хотя Сюй Нин этого не видел, он словно чувствовал исходящую от него мощную ауру — спокойную, холодную, полную решимости защитить его от любого шторма.

— Я уже связался с твоей командой. — Сюй Нин продолжал говорить ровным, четким голосом, в каждом слове которого сквозила уверенность человека, контролирующего ситуацию. — Твой агент больше не будет тебя беспокоить. Никаких пиар-заявлений не будет. С этого момента дело полностью переходит к моей команде. Тебе нужно сделать только одно.

Сюй Нин сделал паузу. Та мягкость, которую он старался скрыть, в этой абсолютной темноте прозвучала особенно ясно:

— Береги себя. Сиди дома. Запри дверь на замок. Не думай ни о чем. И не бойся.

Не бойся. Эти два слова, слившись с его шепотом в ту дождливую ночь, теперь звучали еще весомее, как стальная клятва, способная разогнать любой мрак.

Слезы Цзы Юя полились еще сильнее, но это были уже не слезы отчаяния, а сложный поток чувств: обида, страх, потрясение от безусловного доверия и неописуемое спокойствие оттого, что его защищают.

Он шмыгнул носом, горло болело от сдерживаемых рыданий, но он постарался, чтобы голос звучал тверже:

— Да... да... я не боюсь... брат Сюй Нин... я больше не боюсь... я сделаю, как ты сказал... — В его голосе слышалось полное доверие.

— Хорошо. — Сюй Нин, казалось, слегка выдохнул, словно сбросил часть груза. — Поставь телефон на беззвучный, ложись в кровать. Или... почитай сценарий, займись чем-нибудь, чтобы отвлечься. Чем угодно, только не смотри в телефон, ни на одно слово.

— Да... хорошо... я... я сейчас... — голос Цзы Юя все еще был гнусавым от слез, но в нем появилось послушание и вера.

— Жди меня. — сказал Сюй Нин напоследок. Это не было приказом. Это было обещание, полное неизвестности и твердой решимости. Голос был негромким, но он врезался в сердце Цзы Юя, как клеймо.

Звонок оборвался. Раздались гудки.

Цзы Юй остался сидеть на полу, сжимая в руках уже горячий телефон, словно это была единственная веревка, ведущая к спасению.

В темноте его лицо было мокрым от слез, он выглядел жалким, на руках остались красные следы от ногтей. Но в его глазах, которые совсем недавно были мертвыми, погасшими, теперь снова теплился слабый, но удивительно стойкий огонек надежды. Этот свет, хоть и дрожал от отголосков страха, уже не собирался гаснуть.

За дверью бушевала буря общественного мнения, подогреваемая слухами. В соседской квартире негромко работал телевизор, показывая какое-то развлекательное шоу.

Однако здесь, в этой темной крепости, которую Сюй Нин выстроил вокруг него, Цзы Юй обрел покой и безопасность.

Он медленно разжал пальцы, экран телефона погас. На ощупь, по памяти, он перевел телефон в беззвучный режим и положил его на холодный пол.

В темноте он поднял голову, глядя в сторону прихожей. Черный зонт, стоявший рядом с обувной полкой, в абсолютной темноте казался лишь тихим, надежным силуэтом. Он перестал быть просто вещью — он стал символом воли Сюй Нина к защите.

Не бойся.

Я все устрою.

Жди меня.

Слова Сюй Нина эхом отдавались в тишине, словно якорь, удерживающий его душу, готовую пойти ко дну, в этой единственной гавани спокойствия посреди бури.

Он закрыл глаза, прижимая горячие щеки к холодным коленям. Тело все еще мелко дрожало от пережитого, но ледяное отчаяние было разрублено острым клинком по имени Сюй Нин.

Слабый, но бесценный свет пробивался сквозь эту трещину, освещая путь.

Буря не утихла, возможно, она станет еще сильнее. Но Цзы Юй знал — он больше не одинокая лодка в открытом море.

Тот, кто исчез в ту дождливую ночь, стал его броней и оружием, приняв на себя первый и самый сильный удар.

А ему нужно лишь одно — в этой временной темноте и тишине запереть дверь, сберечь себя и ждать.

Ждать, когда клинок, сражающийся за него, прорубит путь сквозь тернии, разгонит грязный мрак и вернет ему рассвет.

<http://bllate.org/book/19183/1883262>